

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Жигалов Александр Юрьевич

**Изучение древнерусской литературы
в Чехословакии 1920-1930-ых гг.**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2020

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Пауткин Алексей Аркадьевич
доктор филологических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:**

Трофимова Нина Владимировна
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет» (МПГУ),
профессор кафедры
русской классической литературы

Шешкен Алла Геннадьевна
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»
(МГУ имени М. В. Ломоносова),
профессор кафедры славянской филологии

Первушин Михаил Викторович
кандидат филологических наук,
ФГБУН «Институт мировой литературы
имени А. М. Горького
Российской академии наук» (ИМЛИ РАН),
старший научный сотрудник
отдела древнеславянских литератур

Защита диссертации состоится «15» октября 2020 г. в 16:00 часов на
заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991,
г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-ый
учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27).

С диссертацией, а также со сведениями о регистрации участия в
удалённом интерактивном режиме в защите можно ознакомиться на сайте
ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/281515284/>

Автореферат разослан « » 2020 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О. С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

История изучения древнерусской литературы — одна из важнейших областей гуманитарного знания, и тем не менее в ней остаётся немало лакун. После революции 1917 года процесс обращения к памятникам средневековой книжности приобрёл особые формы. Актуальность сохранили не все традиционные методы, принятые в медиевистике; появились новые трактовки ряда произведений; оказались искусственно забытыми некоторые жанры, практически утраченными — имена отдельных исследователей. Дореволюционные научные школы получили своё развитие за пределами бывшей империи, когда их представители населили «острова» русской цивилизации¹ по всему свету. Один из «оазисов» находился неподалёку от СССР, в сердце Европы и славянского мира: Прага стала прибежищем для многочисленных учёных. Именно там в 20-30-ых гг. прошлого века сложилась уникальная академическая среда, благотворная для изучения русской литературы XI-XVII вв., древнейших и лучших её образцов. Исследования эмигрантов оказывали активное влияние на чехословацких учёных, вызывали их отклики в виде новых работ. В ситуации *сотрудничества* и *сотворчества* создавалось совершенно особое научное пространство, открытое и для третьей группы участников — советских медиевистов, которые могли публиковаться в ЧСР (по крайней мере – до начала 1930-ых годов).

Именно поэтому **объектом** диссертационного **исследования** стали труды по древнерусской литературе 1) учёных, эмигрировавших из России, 2) чехословацких исследователей и 3) советских филологов, опубликованные в Чехословакии 1920-1930-ых гг. и являющиеся важнейшими составными частями единого научного поля (контекста), феномена Русской Праги.

¹ Определение В.В. Сорокиной. См., например: *Сорокина В.В.* Литературная критика русского Берлина 20-х годов XX века. М., 2010.

Предметом анализа являются взаимосвязи, возникающие между этими работами, свидетельствующие как о продолжении традиций старых школ, так и об их неуклонном развитии, появлении новых подходов, трактовок и методов. История изучения литературного наследия Древней Руси рассматривается как мозаичный, но обладающий внутренней связностью процесс, затрагивающий и русское зарубежье, и метрополию.

Актуальность выбранной темы определяется тем, что история изучения древнерусской литературы, не говоря уже о таком ее частном аспекте, как исследование памятников средневековой книжности в межвоенной Чехословакии, еще недостаточно разработана. К тому же феномен Русской Праги и шире — международного научного пространства, образовавшегося на территории ЧСР, начал интересовать ученых относительно недавно. Темы, связанные с эмиграцией, еще в 1980-ые гг. не пользовались популярностью ни в СССР, ни в ЧСР; некоторые из них были под запретом; многие исторические документы находились в спецхранах. Ситуация изменилась лишь в конце прошлого века.

Цель диссертации — восстановить картину движения медиевистической науки в искусственно созданном академическом социуме Русской Праги, описать и стратифицировать её научное наследие.

Для реализации этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- выяснить, кто изучал литературные памятники русского Средневековья в Чехословакии 1920-1930-ых гг. (или публиковал там свои работы о древнерусской книжности), систематизировать основные биографические сведения об этих людях, установить точные названия их трудов, составить подробную библиографию;

- попытаться выделить школы, в русле которых вели работу различные исследователи, обнаружить наличие или отсутствие академической преемственности, определить круг институтов, университетов, семинаров, кружков и прочих научных сообществ, так или иначе связанных с разысканиями в области медиевистики;

– рассмотреть чехословацкие журналы и иные периодические издания, посвященные вопросам славистики и литературы Древней Руси, объяснить их вклад в изучение древнерусской словесности, осмыслить их значение для филологов, проживавших в СССР и публиковавшихся за рубежом;

– сопоставить работы советских медиевистов и эмигрантов, а также чехословацких ученых (выявить сходство и различия в тематике и проблематике трудов, определить, какие жанры древнерусской литературы и отдельные памятники средневековой книжности были наиболее изучены каждой группой исследователей);

– установить, в какой мере наследие Русской Праги было востребовано в СССР и как его использует современная наука.

Новизна исследования определяется отсутствием специальных работ, анализирующих изучение памятников средневековой словесности в межвоенной Чехословакии 1920-1930-х гг. Кроме того, научная новизна диссертации сопряжена с тем, что изучение литературного наследия Древней Руси рассматривается не фрагментарно, а как единый, обладающий глубокими внутренними связями процесс, протекавший в искусственно созданной академической среде при тесном взаимодействии трех основных групп участников.

Основными **источниками** исследования служат работы по древнерусской литературе, опубликованные в Чехословакии в 1920-1930-ых годах. К анализу привлекаются тетради научных журналов «Bratislava» (Bratislava), «Byzantinoslavica» (Praha), «Hlídka» (Brno), «Kultura» (Bratislava), «Práce Slovanského ústavu v Praze» (Praha), «Práce Filosofické fakulty Univerzity Karlovy v Praze» (Praha), «Práce Filosofické fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě» (Bratislava), «Seminarium Kondakovianum» (Praha), «Slavia» (Praha), вышедшие в ЧСР в указанные годы. Межвоенные выпуски этих изданий, содержащие ценный научный материал, являются сегодня библиографической редкостью. В диссертации

впервые дана подробная роспись работ по древнерусской литературе, опубликованных на страницах журнала «Slavia» (Praha)² 1920-1930-ых гг. При написании диссертации использовались материалы ГАРФ (ф. Р-5773), материалы, хранящиеся в фондах Библиотеки Философского факультета Карлова университета в Праге (Knihovna Filozofické fakulty Univerzity Karlovy) и Библиотеки Философского факультета Университета имени Т.Г. Масарика в Брно (Knihovna Filozofické fakulty Masarykové university), а также материалы, представленные в собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

В диссертации применяется **ряд методов**, в число которых входят комплексное рассмотрение отдельных трудов того или иного исследователя (с определением темы, идеи, структуры, особенностей концепции и т. д.), сравнительный анализ работ, посвященных одному и тому же памятнику древнерусской литературы. Иными словами, главными являются методы сопоставления и стратификации, обобщения, литературоведческий и исторический анализ. Кроме того, в работе используется биографический метод, предполагающий особый подход к объекту и предмету исследования (наследие ученого рассматривается через призму его жизненного пути).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В Чехословакии 1920-1930-ых годов при стечении целого ряда естественных и рукотворных обстоятельств сложилась уникальная академическая среда, благотворная для изучения русской литературы XI-XVII веков, древнейших и лучших её образцов.
2. Межвоенная ЧСР стала не просто прибежищем эмигрантов-гуманитариев из бывшей Российской империи, а одним из крупнейших центров развития медиевистики. Представляется уместным говорить о феномене Русской Праги и шире — Русской Чехословакии.

² В этом филологическом журнале была опубликована бо́льшая часть всех работ, посвящённых изучению древнерусской словесности и увидевших свет на территории Чехословакии в 1920-1930-ых годах.

3. Исследования представителей диаспоры, посвящённые памятникам средневековой русской книжности, оказывали существенное влияние на чехословацких медиевистов, вызывали их отклики в виде новых работ.
4. Особый научный микросоциум, сложившийся в ЧСР двадцатых-тридцатых годов XX века, был открыт и для третьей группы учёных — советских медиевистов, которые могли публиковаться в Чехословакии по крайней мере до начала 1930-ых гг.
5. Представители всех трёх академических сообществ, формировавших единое научное поле на территории межвоенной ЧСР, в меньшей или большей степени продолжали традиции старых, дореволюционных медиевистских школ, в том числе — и школ, сложившихся в Московском университете. Следовательно, уместно говорить о научной преемственности в области изучения древнерусской литературы.
6. Важную роль в формировании единого русско-советско-чехословацкого академического пространства сыграли славистические журналы, выходившие в межвоенной ЧСР (прежде всего, филологический альманах «Slavia»).
7. Научное и педагогическое наследие Русской Праги, а также медиевистов из метрополии, публиковавшихся в ЧСР, и чехословацких филологов 1920-1930-ых гг. занимает важное место в истории изучения древнерусской литературы.

Степень изученности темы. Вопрос Русской Праги нашел свое отражение в немногочисленных исследованиях, важнейшими среди которых, на наш взгляд, являются следующие: трехтомная библиография «Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918-1945 гг.», «Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939)» (сост. З. Сладек, Л. Белошевская), сборник статей «Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике» (под ред. Л. Белошевской), «Русская, украинская, белорусская эмиграция

между двумя войнами», «Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике: 1918-1938. Путеводитель по архивным фондам и собраниям Чешской республики», «Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике», «Российские ученые-гуманитарии межвоенной Чехословакии» и др. Кроме того, заслуживают внимания работы М.Ю. Досталь, В.А. Соколовой и, безусловно, исследования об отдельных представителях диаспоры (например, каталог выставки «Эмигрантский период жизни и творчества А.Л. Бема»), а также их собственные воспоминания о Златой Праге (например, «То, что вспоминается» Н.Е. Андреева).

Несмотря на наличие исследований о феномене Русской Праги: о диаспоре в целом, о деятельности ученых-славистов в частности – о медиевистах, исследователях древнерусской словесности и культуры, оказавшихся на чужбине и внесших значимый вклад в становление «Русского Оксфорда», комплексных, полиаспектных работ пока нет. О некоторых из учёных-древников существуют лишь упоминания краткого, информативного характера в рамках иной более широкой проблематики, что позволяет признать тему практически не изученной.

Теоретическая и практическая значимость осуществления исследования. Осмысление важного периода истории науки, обобщение сведений о нём, выявление значения работ ученых важны для новых общетеоретических и специальных трудов. Проведенная работа может быть, в частности, полезна для дальнейшего изучения наследия Русской Праги.

Материалы диссертации, ее основные положения и выводы могут быть практически использованы в преподавании истории русской литературы, литературной критики, а также чешского языка и культуры, при чтении дисциплины «История и философия науки», курсов по выбору, связанных с историей науки и конкретными проблемами средневековой русской книжности. Материалы работы могут быть использованы

и в учебных программах, учебных и учебно-методических пособиях для школы и вуза.

Апробация исследования. Диссертационная работа была апробирована на Международном научном форуме «Ломоносов-2013» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013), конференции «Повесть временных лет: история и поэтика», посвящённой 900-летию старейшей русской летописи (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013), конференции «Кормановские чтения» (Ижевск, Удмуртский государственный университет, 2014), а также на практических занятиях для студентов исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (вводные занятия курса «Чешский язык», посвящённые русско-чешским культурным и научным связям) (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013-2014 учебный год). По теме диссертации опубликовано 8 научных работ (6 из которых – в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова).

Структура работы. Диссертационное исследование общим объёмом 175 страниц состоит из введения, трёх глав, разбитых в свою очередь на параграфы, заключения, ряда приложений и подробной библиографии (223 позиции).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В тексте **Введения** говорится о целях и задачах работы, её актуальности и новизне. В данном разделе определяются объект и предмет исследования, освещается история вопроса.

Глава I «Основные имена (исследователи древнерусской книжности, чьи имена были связаны с Чехословакией 1920-1930-ых гг.)» содержит сведения биобиблиографического характера и состоит из двух параграфов.

§ 1 предоставляет подробную информацию об исследователях-эмигрантах, принадлежавших к различным медиевистским школам Русской Праги и внёсших яркие штрихи в её академический облик.

Труды этих учёных, посвящённые «книгам ветшаным», полузабыты сегодня. Однако в них содержится уникальный филологический материал. Это редкие книги, статьи, учебные программы, очерки, рецензии, издания древних памятников, сопровождаемые серьёзным научным аппаратом, и т.д.

Порою эмигранты посвящали древнерусской литературе отдельные главы, разделы крупных обзорных работ (в этой связи необходимо упомянуть труды В.А. Амфитеатрова-Кадашева³, С.Г. Вилинского⁴, Е.А. Ляцкого⁵, А.В. Флоровского⁶ и др.), порою – циклы статей и полноценные курсы лекций (особого внимания медиевистов заслуживают отпечатанные множительным аппаратом «Лекции по истории древней русской литературы (до 1/2 XVII в.), читанные студентам Русского Педагогического института имени Яна Ам. Коменского в Праге в зимнем семестре 1923 г. преподавателем А.Л. Бемом» – подлинная библиографическая редкость).

Исследователей-эмигрантов интересовали различные жанры древнерусской литературы. Летописное наследие изучали Е.Ю. Перфецкий⁷, В.А. Погорелов⁸ и др., апокрифы – О. Колесса⁹, вирши –

³ *Амфитеатров-Кадашев В.А.* Очерки истории русской литературы. Прага, 1922.

⁴ *Вилинский С.Г.* Конспект лекций по истории русской литературы, читанных в 1924/1925 академическом году слушателям Русского педагогического института в Праге. Прага, 1925.

⁵ *Ljackij E.* Historický přehled ruské literatury. Část 1: Staré ruské písemnictví (XI. - XVII. st.). Praha, 1937.

⁶ *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X-XVIII вв.). Praha, 1935-1947.

⁷ *Перфецкий Е.Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения = Ruské letopisné svody a jejich vzájemný poměr = Les codes des annals russes et leurs relations mutuelles. Братислава, 1922. *Perfeckij E.* K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského // Bratislava. Roč. 5, č. 5. Bratislava, 1931. S. 816-826. *Он же.* Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví. Praha. 1932.

⁸ *Pogorelov V.* Ruský letopis Nestorov a Slovensko // Kultura. Č. 5. Bratislava, 1933.

⁹ В 1929 г. в Праге состоялся I Международный съезд славистов, по итогам которого был издан сборник докладов. Олександр Колесса опубликовал в нём следующую работу:

Ю.А. Яворский¹⁰. «Слово о полку Игореве», жанр которого уникален, привлекало внимание Е.А. Ляцкого¹¹, В.А. Францева¹², Н.Е. Андреева¹³ и др. Переводные памятники, межлитературные связи, отразившиеся в древних текстах, интересовали К.К. Висковатого¹⁴, Н.Н. Дурново¹⁵, В.А. Погорелова¹⁶ и др. Труды учёных-эмигрантов охватывают все периоды литературной истории русского Средневековья.

Параграф содержит сведения не только о сфере научных интересов русских пражан, но и о жизненном пути исследователей, преимущественно о чехословацком его периоде.

§ 2 посвящён советским учёным, проводившим свои изыскания на территории метрополии, но публиковавшим их результаты в журналах и альманахах, выходивших в межвоенной Чехословакии.

Речь идёт о таких крупных исследователях, как В.Н. Перетц, В.Ф. Ржига, Н.И. Серебрянский, М.Н. Сперанский и др. Однако в параграфе

Колесса О. Розслиди и видання словянських пам'яток апокрифічної літератури: методи і завдання // Sborník prací 1. sjezdu slovanských filologů (1929). Sv. 2. Praha, 1932.

¹⁰ Яворский Ю.А. Галицко-русская вирша о злой жене // Slavia. Roč. 7, seš. 4. Praha, 1929. S. 922-926.

¹¹ Ляцкий Е.А. Неудачный поход на «Слово о полку Игореве» // Slavia. Roč. 17, seš. 1-2 (s. 110-127), 3 (s. 374-411). Praha, 1925. Он же. «Слово о полку Игореве». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Очерк из истории древнерусской литературы. Прага, 1934. Он же. Звукопись в стиховом тексте «Слова о полку Игореве» // Slavia. Praha, 1938. Roč. 16. Seš. 1. S. 50-78.

Пристального внимания исследователей заслуживает работа Е.А. Ляцкого ««Слово о полку Игореве». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Текст для школьного изучения» (курсив наш – А. Ж.), изданная в Праге в 1937 году. Несмотря на свою прикладную направленность, эта работа, ставшая сегодня библиографической редкостью, содержит ряд новых прочтений памятника, которые свидетельствуют об оригинальности воззрений учёного на знаменитое произведение.

¹² Francev V. Slovo o pluku Igorově = Le dit d'Igor (ruský text v transkripci, český překlad a výklady Josefa Jungmanna z r. 1810); vydal a úvodem opatř. V.A. Francev. Praha, 1932.

¹³ Андреев Н.Е. Е.А. Ляцкий. «Слово о полку Игореве...» (рецензия) // Slavia. Roč. 13, seš. 2-3. Praha, 1935. S. 492-495.

¹⁴ См., например: Висковатый К.К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // Slavia. Roč. 17, seš. 1-2. Praha, 1939. S. 128-133.

¹⁵ Дурново Н.Н. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола // Slavia. Roč. 4, seš. 3. Praha, 1925. S. 446-460.

¹⁶ Погорелов В.А. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы (2 тома). Bratislava, 1925-1927.

рассматриваются лишь малоизвестные «чешские» труды видных медиевистов, опубликованные, большей частью, в журнале «Slavia». Кроме того, подробно анализируется научное наследие практически забытого сегодня филолога Александра Дионисьевича Седельникова, трагичная судьба которого тесно переплелась с историей межвоенной ЧСР. Талант его был, действительно, многогранен: он анализировал «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Задонщину», древнейшие летописи и памятники XV-XVI веков, исследовал католическое влияние в Новгороде и деятельность доминиканцев на Руси, писал о стригольниках, занимался проблемами методологии в медиевистике и т. д.

Кроме того, в первой главе (в §§ 1 и 2) предпринята попытка выделить школы, в русле которых работали филологи-медиевисты, назвать научные сообщества, связанные с исследованием древнерусской словесности.

В первую очередь, этим занимались высшие учебные заведения — и классические чешские, и вновь созданные специально для эмигрантов.

Крупная школа по изучению русской книжности эпохи Средневековья сложилась в Карловом университете. Univerzita Karlova v Praze собрала вместе немало выдающихся медиевистов, переехавших в ЧСР из бывшей Российской империи: на философском факультете в период между мировыми войнами работали Е.А. Ляцкий и В.А. Францев, организаторы «Славянского семинара»; их ученик Н.Е. Андреев после защиты диссертации «О протопопе Аввакуме» продолжил дело учителей; лекции по истории русской словесности (в том числе — и древнейшей) читал А.Л. Бем, здесь же начал свой педагогический путь известный исследователь летописных сводов Е.Ю. Перфецкий. Главным методом, которым все они пользовались в своих изысканиях, был реконструктивный, широко применявшийся, например, А.-Л. Шлёцером или А.А. Шахматовым. Многие представители медиевистской школы, сформировавшейся в Карловом университете, активно разрабатывали и сравнительно-исторический метод, предложенный академиком

Шахматовым. В этом нет ничего удивительного: большинство эмигрантов принадлежали к различным старым, дореволюционным научным школам и, оказавшись на чужбине, сохранили верность их традициям, а некоторые «русские пражане» даже были прямыми учениками видных филологов-славистов. Так, Е.Ю. Перфецкий на протяжении долгих лет развивал методологию своего учителя А.А. Шахматова, лекции которого слушал ещё в начале двадцатого века в Санкт-Петербурге.

Вторым высшим учебным заведением, где регулярно велись исследования древнейших литературных текстов, был Русский народный (свободный) университет в Праге. Одним из его основателей и руководителей стал Е.А. Ляцкий. Лекции студентам читал Ю.А. Яворский — знаток книжных памятников, написанных в Галицкой и Подкарпатской Руси. Эти и другие произведения изучались с разных методологических точек зрения, в широком гуманитарном контексте, а не только с позиций медиевистики — неслучайно «в образовательном процессе участвовали наряду с филологами представители иных наук, прежде всего, философии и истории, к примеру, Н.О. Лосский, С.И. Гессен, Е.Ф. Шмурло и др.»¹⁷

Своя исследовательская школа сложилась и в Русском педагогическом институте имени Яна Амоса Коменского в Праге, студенты и преподаватели которого на протяжении короткого, но плодотворного периода занимались полиаспектным изучением средневековой книжности. Существенный вклад в работу этого научного сообщества внесли профессор А.Л. Бем и С.Г. Вилинский. В своих трудах они придерживались тех точек зрения на предмет медиевистики, которые были широко распространены в дореволюционной России: например, вопрос о периодизации и хронологических рамках древнерусской литературы решали так же, как В.М. Истрин, М.Н. Сперанский, Н.С. Тихонравов

¹⁷ Белошевская Л. Российские литературоведы-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские учёные-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 29.

и другие представители старой школы. Преемственность её традиций отразилась в многочисленных книгах и статьях, опубликованных сотрудниками Ruského pedagogického institutu J.A. Komenského.

Имя великого педагога Яна Коменского носил и другой — Братиславский университет. Именно он стал главным центром русской медиевистики на словацких землях объединённой республики. Его значимую роль в академической жизни межвоенной ЧСР отмечают и некоторые современные исследователи. В Братиславском университете много лет работали Е.Ю. Перфецкий и В.А. Погорелов — специалисты в области древнерусского летописания, последователи А.А. Шахматова, а также историк А. А. Кизеветтер, обращавшийся в своих трудах и к ранним памятникам словесности.

Ещё одна школа по изучению литературного наследия Древней Руси сформировалась в Брно — третьей столице ЧСР. В городском университете, который сегодня носит имя первого президента республики Т.Г. Масарика, вокруг С.Г. Вилинского, переехавшего из Праги, объединились исследователи русских, чешских и моравских средневековых текстов — компаративисты-древники.

Как удалось установить, количество крупных научных центров, где эмигранты вели разыскания в сфере медиевистики, в межвоенной Чехословакии не ограничивалось пятью университетами. Были и иные академические объединения, представители которых — русские, белорусские и украинские беженцы — разрабатывали ту же проблематику (Славянский институт АН ЧСР, Русское историческое и Украинское историко-филологическое общества, «Кондаковский Семинар» (впоследствии — Институт Н.П. Кондакова) и др.).

Оживлённые дискуссии, посвящённые тем или иным вопросам изучения русского литературного Средневековья, велись и в пражской «четверти» (районе) Бубенеч, в стенах «Профессорского дома», ставшего в межвоенные десятилетия прибежищем для интеллигентов-изгнанников.

А в воскресной школе, открытой при этом Доме, их дети изучали «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и иные памятники древнерусской книжности. Программу литературоведческого курса разрабатывали А.Л. Бем и другие видные медиевисты. Кстати, Е.А. Ляцкий даже опубликовал текст «Слова...» для школьного изучения, который, вероятно, был хорошо знаком юным слушателям.

Значимые научные центры диаспоры, в которых изучалась средневековая русская словесность, были разбросаны по всей стране, однако, как показал произведённый анализ, основная их часть находилась в Праге, Братиславе и Брно. Очевидно, в большинстве случаев эмигранты предпочитали группироваться вокруг уже сложившихся академических «оазисов». Впрочем, это правило знало и исключения: маленькую деревушку Уезд над лесами, расположенную в окрестностях столицы, населяли практически лишь русские учёные-гуманитарии, покинувшие родину.

Свои чехословацкие центры притяжения были и у советских медиевистов, которые поддерживали связь с ЧСР (по крайней мере до середины 1930-ых годов). Речь идёт о редакциях различных филологических изданий, охотно публиковавших и работы из-за рубежа. В первую очередь, необходимо назвать журнал «Slavia» (Praha) = «Славия» (Прага). Именно в его тетрадях появилась большая часть статей и рецензий, переправленных из метрополии в Чехословакию. Кроме того, исследования, написанные в СССР, регулярно печатались на страницах альманаха «Byzantinoslavica» (Praha) = «Византинославика» (Прага). (Оба журнала продолжают выходить в столице Чехии). Следует также упомянуть периодические издания «Kultura» (Bratislava) = «Культура» (Братислава) и «Hlidka» (Brno) = «Стража» (Брно), а также сборники трудов, регулярно выходившие в крупных университетах республики.

Примечательно, что многие советские учёные, чьи судьбы тесно переплелись с межвоенной ЧСР, были связаны с Отделом рукописей

Государственного исторического музея в Москве, например, В.Н. Перетц, В.Ф. Ржига, А.Д. Седельников, М.Н. Сперанский и др. Многие из них окончили Московский университет, принадлежали к его различным научным школам. Все они были арестованы по так называемому «Делу славистов», пострадали от репрессий середины тридцатых годов прошлого века.

Говоря об академических центрах, объединявших собственно чехословацких филологов — исследователей древнерусской литературы, необходимо отметить ведущую роль, которую играл в этой сфере Славянский институт АН ЧСР. Именно там работала значительная часть чешских и словацких медиевистов. Кроме того, свои разыскания они активно вели в крупнейших университетах Праги, Братиславы и Брно, сотрудничали с журналами «Славия» и «Византинославика», не только изучали историю и поэтику оригинальных литературных текстов, но и переводили их на родные языки.

Как выяснилось, некоторые научные центры, в которых велись непрерывные исследования в области древнерусской словесности, были исключительно эмигрантскими. Так, в Русском народном университете, Русском педагогическом институте имени Яна Амоса Коменского, русском историческом и украинском историко-филологическом обществах трудились в основном представители диаспоры.

В то же время целый ряд литературоведческих «оазисов» сформировал поистине международное научное поле, подобное, например, тому единому русско-немецкому академическому пространству, что существовало еще во времена Ломоносова. Такие интернациональные медиевистские школы успешно работали в Карловом университете (особенно в «Славянском семинаре» на философском факультете), Братиславском и Брненском университетах, в Славянском институте Академии наук ЧСР. В этих организациях филологи-эмигранты и чехословацкие ученые сотрудничали самым тесным образом.

А упомянутые выше периодические издания, выходившие в межвоенной республике, приглашали к диалогу и третью группу исследователей — советских авторов. Иначе говоря, на страницах славистических журналов формировался тот уникальный контекст, в котором проходил поликультурный, многоаспектный процесс обращения к древним текстам. Крупные и авторитетные альманахи «Славия» и «Византинославика» стали центрами пересечения всех трех научных линий — эмигрантов, ученых метрополии и ЧСР.

Необходимо отметить также, что наиболее активные и плодотворные учёные (будь то представители диаспоры, советские филологи или же чехи и словаки) сотрудничали сразу с несколькими изданиями и были связаны с целым рядом академических центров, занимавшихся проблемами медиевистики в Чехословакии 1920-1930-ых годов.

Все установленные факты как нельзя лучше подтверждают одно из основных положений диссертационного исследования: сложившееся в межвоенной Чехословакии полифункциональное научное пространство, действительно, было единым, общим, несмотря на все различия его ключевых составляющих. Порой это находило отражение в судьбе одной отдельно взятой книги: её автором мог быть филолог-эмигрант, издателем — чешский или словацкий учёный, а рецензентом — советский медиевист, читатели же находились по всей Европе. Сотрудничество трёх академических групп было настолько тесным, что границы влияния и творческой деятельности каждой из них не всегда поддаются точному определению, что свидетельствует о глубокой внутренней связности, монолитности анализируемого процесса, вопреки его кажущейся внешней дробности.

Определённое единство было обнаружено и в выборе учёными всех трёх сообществ той или иной методологии. Как правило, и филологи-эмигранты, и советские исследователи создавали свои концепции на благодатной почве старых традиций: выдвигали оригинальные гипотезы,

пользуясь сравнительно-историческим методом А.А. Шахматова. Разумеется, речь идёт не о слепом копировании или подражании, а об умелом продолжении и развитии тех способов историко-литературоведческого анализа средневекового текста, что были открыты ещё задолго до революции 1917 года. Так, например, Е.Ю. Перфецкий не просто повторил шаги своего знаменитого учителя, а развил его методы, значительно расширив область их применения (в основном исследовал летописи, написанные после ПВЛ). Идеи Шахматова объединили многих эмигрантов и учёных метрополии: они бережно восстанавливали древние памятники, очищая их от поздних «наслоений» и постепенно добираясь до самых глубоких — самых ранних пластов текста. Степень преемственности была достаточно высока на всём протяжении межвоенных десятилетий: русские-советские медиевисты хранили верность старой научной школе, из которой сами вышли в конце XIX — начале XX веков. Их чешские и словацкие коллеги также продолжали уже сложившиеся традиции изучения и сопоставления древних памятников. В основном они применяли реконструктивный метод Августа Шлёцера, близкий, впрочем, и методологии академика Шахматова: исследователи-чехи тоже двигались «сверху вниз» (при анализе повествовательной ткани пытались очистить древнейшее «ядро» памятника от позднейших наслоений и вставок), стремились восстановить (реконструировать) первоначальную редакцию произведения.

Близость между тремя группами исследователей средневековой русской литературы проявилась не только в выборе определённой методологии или в принадлежности к конкретному научному центру. Как выяснилось при анализе сложившейся в 1920-1930-ых годах ситуации, внимание филологов привлекали одни и те же памятники древней словесности. Из обширного корпуса литературных текстов в межвоенной

ЧСР наиболее изученными оказались «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве».

Чешская и словацкая наука впервые обратилась к ним в эпоху национального возрождения. Возможно, виток истории, пришедшийся на двадцатые-тридцатые годы XX столетия, в чём-то повторил ту ситуацию и события вековой давности.

Чехи и словаки не только анализировали Летопись и «Слово...», но и активно переводили их на родные языки. Межвоенные десятилетия не стали исключением и так же были отмечены новыми, оригинальными переводами.

Наиболее изученным в ЧСР двадцатых-тридцатых годов XX столетия памятникам средневековой русской книжности – «Повести временных лет» и «Слову о полку Игореве» – посвящены вторая и третья главы диссертации.

Глава II «Наиболее изученные памятники древнерусской литературы в трудах, опубликованных в ЧСР 1920-1930-ых гг. “Повесть временных лет”», посвящённая изучению в ЧСР древнейшей сохранившейся русской летописи, разделена на три параграфа.

§ 1 описывает чехословацкую научную традицию, связанную с обращением к ПВЛ, включает в себя сведения о переводах этого памятника на чешский и словацкий языки.

§ 2 сообщает о деятельности медиевистов-эмигрантов, своеобразии их подходов к Летописи, определённых течениях по изучению ПВЛ, сложившихся в Русской Праге.

Е.Ю. Перфецкий был одним из медиевистов, трудившихся в ЧСР между мировыми войнами. Исследованию ПВЛ посвящены следующие его работы:

– «Русские летописные своды и их взаимоотношения»¹⁸ : исследование, в котором проводится сопоставление различных памятников книжности Древней Руси, среди которых была и ПВЛ.

– «Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví»¹⁹ : труд, в котором русские летописи сравниваются с «Историей Польши» Яна Длугоша. В литературоведческой истории русской Праги это был один из первых опытов компаративистики применительно к древним текстам. Подробный анализ фрагментов ПВЛ позволил ученому сделать следующий вывод: при составлении «Истории...» Ян Длугош обращался к русским сводам.

– «K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského»²⁰ : в этой работе автор поднимал вопрос о времени возникновения Никоновского свода.

Работа В.А. Погорелова «Ruský letopis Nestorov a Slovensko»²¹ («Русская летопись Нестора и Словакия». Перевод наш – А. Ж.) содержит ценную информацию о том, как, когда и зачем словаки обращались к древнейшему русскому летописному своду.

В 1923 году в чехословацкой столице были опубликованы «Лекції по истории древней русской литературы (до первой половины XVII века), читанныя студентамъ Русскаго Педагогическаго Института имени Яна Ам. Коменскаго въ Праге въ зимнемъ семестре 1923 г. преподавателемъ Института А.Л. Бемомъ». Значительная часть этого редкого издания посвящена «Повести временных лет». В своей книге ученый много говорит о литературно-историческом значении ПВЛ, стремясь охватить все ее функции. Из их обширного списка четко

¹⁸ *Перфецкий Е.Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения=Ruské letopisné svody a jejich vzájemný poměr. Братислава, 1922.

¹⁹ *Perfecky E.* Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví. Praha, 1932.

²⁰ *Он же.* K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského // Bratislava. Roč. 5, č. 5. Bratislava, 1931. S. 816-826.

²¹ *Pogorelov V.* Ruský letopis Nestorov a Slovensko // Kultura. № 5. Bratislava, 1933. S. 536-539.

выделяются две главных. Во-первых, Летопись является средством сбора, аккумуляции и доставки до потомков разнообразных фактов истории. Во-вторых, Свод – это способ сохранения самостоятельных памятников средневековой книжности (или их фрагментов). Таким образом, по мысли ученого, ПВЛ — важнейший исторический и литературный первоисточник. Кроме того исследователь сформулировал более широкое, фундаментальное значение Летописи – быть «ярким доказательством роста русского национального самосознания»²².

Впрочем, сжатая характеристика ПВЛ, размышления о значении и назначении Летописи составляют лишь вводный раздел лекции номер три – основная же часть посвящена композиции, жанру и стилю «Первоначальной повести», а также истории её создания и изучения. Прежде всего, Бем указывал на сложность, мозаичность ПВЛ в жанровом отношении (позже применительно к древнему памятнику Д.С. Лихачёв употребил термин «жанр-ансамбль»): свод включал в себя краткие погодные записи, христианские легенды, жития, развёрнутые сказания и т. д. Внимание автора также привлекла стилистическая неоднородность летописного текста.

Кроме того, учёный уделил особое внимание истории возникновения Свода, тем самым затронув вопрос, окончательно не решённый даже сегодня. При этом филолог кратко изложил известные ему точки зрения, подробно остановившись лишь на одной – гипотезе А.А. Шахматова.

Летописное наследие русского Средневековья в целом и ПВЛ в частности также привлекали внимание филолога Н.Е. Андреева и правоведа М.В. Шахматова.

²² Бем А.Л. Лекции по истории древней русской литературы (до середины XVII века), читанные студентам Русского педагогического института имени Яна Ам. Коменского в Праге в зимнем семестре 1923 года. Прага, 1923. Лист 33, об.

В § 3 представлены сведения о том значимом вкладе в изучение ПВЛ, который внесли советские филологи, публиковавшие свои труды в ЧСР, об особенностях их методологии.

К «Повести временных лет» представители трёх разных академических сообществ подходили с позиций похожих, но не идентичных, взаимосвязанных и дополняющих друг друга. И русских, и чехословаков интересовала, прежде всего, история возникновения, а также поэтика древнейшей дошедшей до нас летописи. Они пытались произвести и комплексный литературоведческий анализ текста, опираясь на методы Шахматова и Шлёцера. Впрочем, порой исследователи использовали более мощную оптику, позволяющую обратиться не только к целому, но и к его частям. Следует подчеркнуть: в журналах, выходивших на территории межвоенной ЧСР, излагались теории, связанные со структурой ПВЛ, её отдельными фрагментами. Так, А.Д. Седельников стал автором оригинальной концепции о происхождении и функционировании в древнерусских текстах легенды о хождении апостола Андрея на Русь.

Широкое распространение получил в те годы и подход к «Повести временных лет» с позиций компаративистики: советские филологи сопоставляли повествовательную ткань Летописи с текстами средневековых чешских, словацких и польских хроник.

«Слово о полку Игореве» интересовало учёных ничуть не меньше ПВЛ. Глава III «Наиболее изученные памятники древнерусской литературы в трудах, опубликованных в ЧСР 1920-1930-ых гг. *“Слово о полку Игореве”*» содержит подробную историю изучения древнерусской «песни» в межвоенной Чехословакии.

В ходе исследования было установлено: все ключевые аспекты изучения «Слова о полку Игореве» нашли яркое отражение в трудах, опубликованных в ЧСР 1920-1930-ых годов. При этом особое внимание

филологов привлекали проблемы генезиса, композиции и стиля легендарного произведения.

Значимый вклад в их разработку внесли советский медиевист В.Ф. Ржига и русский славист-эмигрант Е.А. Ляцкий. Их уникальные концепции можно смело считать одними из лучших и важнейших составляющих обширного наследия русской медиевистики в Чехословакии 1920-1930-ых годов.

Некоторые публикации в чехословацких журналах 1920-1930-ых годов, посвящённые «Слову...», носили не только научно-исследовательский, но и педагогический характер, представляя собой редкое явление в области методики преподавания древнерусской литературы. С одной стороны, это были фрагменты лекций для русских студентов-филологов, с другой — уникальные тексты для школьных уроков словесности.

В трёх параграфах третьей главы рассматриваются взаимосвязи между различными академическими сообществами, позволяющие установить место каждого в сложном процессе обращений к легендарному памятнику книжности.

§ 1 знакомит читателей с попытками чешских и словацких литературоведов переводить и исследовать «Слово...»

В § 2 отражены изыскания учёных из метрополии, анализируются их труды о древнем произведении, опубликованные за рубежом — в славистических изданиях, выходивших в Чехословакии 1920-1930-ых годов.

Наконец, в § 3 представлен взгляд на «Слово...» из Русской Праги: в центре внимания — деятельность представителей диаспоры, связанная с комплексным изучением «Слова о полку Игореве».

В межвоенной ЧСР комплексно изучался весь корпус средневековых книжных источников в его полноте и многообразии, но лишь несколько памятников стало предметом регулярных, глубоких исследований,

проводившихся в каждом научном центре представителями практически всех академических школ. Может показаться странным, что среди этих произведений нет «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного». Однако этому факту есть вполне логичное объяснение. Дело в том, что лишь отдельные филологи включали вторую половину семнадцатого столетия в хронологические рамки истории древнерусской словесности. В то же время большинство медиевистов, принадлежавших к старой, дореволюционной школе, ограничивали анализируемый период XI – серединой XVII вв. «Житие» протопопа Аввакума ни эмигранты, ни советские учёные 1920-1930-ых гг. памятником русского Средневековья просто не считали, относя его к новой литературной эпохе. Безусловно, о «Житии» писали и в метрополии, и в Русской Праге, однако речь идёт о немногочисленных, единичных работах (биографией и творчеством протопопа Аввакума занимался, в частности, Н.Е. Андреев; скудные упоминания о легендарном жизнеописании были найдены и при анализе обзоров древнерусского литературного наследия, а также университетских лекций, написанных и прочитанных в межвоенной ЧСР).

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы, содержатся выводы, к которым удалось прийти в ходе исследования, а также представлены краткие схемы, позволяющие ёмко отразить ключевые положения важнейших концепций, рассмотренных и описанных в диссертации.

Произведённый анализ научного и педагогического наследия филологов-медиевистов, судьбы которых оказались связаны с межвоенной Чехословакией, позволяет с уверенностью заключить: в 1920-1930-ых годах эта страна действительно стала не просто прибежищем эмигрантов, а одним из крупнейших зарубежных центров изучения древнерусской литературы. В ЧСР тех лет сложилась уникальная научная парадигма, обусловленная тесным сотрудничеством трёх групп учёных. Именно взаимосвязи между

представителями диаспоры, советскими медиевистами и чехословацкими филологами образуют канву сложного процесса, направленного на изучение книжных памятников средневековой Руси.

Комплексное воссоздание истории русской медиевистики в Чехословакии 1920-1930-ых годов оказалось возможным при тщательном рассмотрении каждого из трёх научных сообществ — важнейших компонентов того академического социума, который сформировался в самом сердце межвоенной Европы.

Диссертация содержит ряд приложений, отражающих основные аспекты изучения древнерусской литературы в межвоенной Чехословакии, и развёрнутую **библиографию**.

Приложение 1 знакомит с чехословацкими журналами 1920-1930-ых годов, в которых было опубликовано наибольшее количество работ, посвящённых изучению древнерусской литературы.

Приложение 2 представляет собою полный обзор трудов, посвящённых различным памятникам средневековой русской словесности и опубликованных в тетрадях журнала “Slavia” 1920-1930-ых гг.

Приложение 3 знакомит с концепцией полузабытого сегодня учёного А.Д. Седельникова, посвящённой генезису и структуре древней легенды о хождении апостола Андрея на Русь.

Приложение 4 позволяет сопоставить оригинальные концепции В.Ф. Ржиги и Е.А. Ляцкого, посвящённые композиции «Слова о полку Игореве».

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

- I. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова:

1. *Жигалов А.Ю.* Изучение древнерусской литературы в Чехословакии 1920-1930 гг. русскими исследователями-эмигрантами // Вестник Московского университета. Серия 9: «Филология». 2013. № 3. С. 132-145. ИФ РИНЦ - 0,247
2. *Жигалов А.Ю.* Взгляд на «Слово о полку Игореве» из Русской Праги // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. № 6. С. 273-280. ИФ РИНЦ - 0,201
3. *Жигалов А.Ю.* Изучение «Повести временных лет» в Чехословакии 1920-1930 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 6. С. 106-109. ИФ РИНЦ - 0,188
4. *Жигалов А.Ю.* Евгений Ляцкий — исследователь древнего памятника // Русская речь. 2014. № 1. С. 84-93. ИФ РИНЦ - 0,106
5. *Жигалов А.Ю.* Русская Прага: средневековая книжность в трудах исследователей-эмигрантов 1920-1930 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 3. С. 104-107. ИФ РИНЦ - 0,188
6. *Жигалов А.Ю.* А. Д. Седельников – забытый исследователь «Повести временных лет» // Русская речь. 2014. № 3. С. 97-106. ИФ РИНЦ - 0,106

II. Другие публикации:

1. *Жигалов А.Ю.* Агиографические мотивы в «Повести временных лет» // Материалы XVI Международной научной конференции «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009. С. 447-448.
2. *Жигалов А.Ю.* Легенда об апостоле Андрее в трудах А.Д. Седельникова // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 16-17. М., 2014. С. 1125-1138.